

пытно, чем здраво, и глубже рассмотрит работы алхимиков и магов, то он, пожалуй, придет в сомнение, чего эти работы более достойны — смеха или слез. Алхимик вечно питает надежду, и когда дело не удается, он это относит к своим собственным ошибкам. Он обвиняет себя, что недостаточно понял слова науки или писателей, и поэтому до бесконечности повторяет опыт. Когда же в течение своих опытов он случайно приходит к чему-либо новому по внешности или заслуживающему внимания по своей пользе, он питает душу доказательствами этого рода и всячески превозносит и прославляет их, а в остальном хранит надежду. Не следует все же отрицать, что алхимики изобрели немало и одарили людей полезными открытиями» (1938, с. 69—70). Возрожденческая хула уступила место снисходительному сочувствию и заодно кое-какому признанию позитивных вкладов. Именно они выуживаются из алхимического мифа, а выуженные, включаются в запасники новой науки. Часть становится целым в меру практической полезности. Оставшиеся части — лишь повод для печальной усмешки. Такой взгляд на алхимию не заказан и поныне. Что же в этом случае происходит с алхимическим мифом? Бесплезная материя превращается в полезное вещество. Это вещество и есть конечная цель алхимических исканий. На этом трансмутация кончается, ибо цель не становится по ее достижении средством. Миф распадается, уступая свое пространство складу положительных знаний для новой науки. Текст, выпавший из контекста, перестает быть текстом культуры, становясь в лучшем случае фразой, вставленной в инокультурный текст²².

Но как же алхимический миф оказался ассимилированным новой литературой, ставши фактом новоевропейского художественного сознания?

ШЕКСПИР (XVI в.), «Жизнь Тимона Афинского». Но прежде обратимся к *Марксу*, чутко прочитавшему эту *шекспировскую* драму, включившую не столько, конечно, алхимию, сколько *золото* — универсальный трансформатор человеческих отношений. Прочитую вслед за *Марксом* несколько мест о золоте:

²² Как раз в эти времена особенно весомым в общественной жизни становится тайное сообщество *розенкрейцеров*, ставящих и алхимические задачи и притязающих на всецелое природознания во имя всечеловеческого блага — преждевременная пародия на новую науку, которая, верно, еще не возникла. Основное призвание сообщества — усовершенствовать все сущее. *Розенкрейцеры* — достойные обладатели и справедливые распределители всех благ мира. Их зрение всепроникающее. Им внятно тайное тайных природы. Они же — обладатели бывшей, настоящей и будущей мудрости, повелители демонов и духов: они в состоянии притягивать жемчуг и драгоценные камни. Исцеление всех болезней тоже в их силах. Знание, которыми обладают посвященные, может быть выражено на новом, всем понятном языке. *Золото и серебро* — разумеется, алхимические — могут быть доставлены римскому императору в несметном количестве. Эта почти новонаучная декларация зиждется на антикатолических, протестантских принципах. Она — детище Реформации. Эти хвастливые притязания адептов *Креста и Розы* взяты у *Габриэля Нодэ* из «*Наставлений Франци* о том, что истинно в истории *розенкрейцеровского братства*» (Nodé, 1623) и пересказаны в трактате А. В. Амфитеатрова «*Розенкрейцеры*» (1896, с. 4—6).